

Пища мёртвых-3. Марфа.

Владимир Самсонов

2026-01-11

Contents

Пища мёртвых-3.	1
Марфа.	1

Пища мёртвых-3.

Марфа.

Дверь в комнату прислуги с грохотом распахнулась, заставив обедавших вздрогнуть. На пороге стоял Климент Петрович, тридцати семи лет от роду, державший в руке почти опустевшую бутылку дорогого французского коньяка. Прислуга, как по команде, встала со своих мест, поклонившись хозяину.

- Параскева! - пьяным голосом произнёс Климент.

- Слушаю барин, - ответила крупная женщина лет тридцати.

- Где эта, как её там, сирота эта, которую вчера прикупили у помещика Гафэ?

- Марфа, - подсказала та.

- Вот, да, - вспомнил барин, облизав почему-то пересохшие губы. - Давай-ка в баню её отведи, помой хорошенько, маслами благовонными натри, да после ко мне в..., ну ты поняла.

Присутствующие напряжённо переглянулись, пьяный дебош только начинался.

- Барин, - попыталась возразить Параскева, - так она дитя совсем, еле-еле десятый годок пошёл.

- Ты мне указываешь?! - нахмурился хозяин.

- Нет, нет, Климент Петрович. Как можно то? – испугалась Параскева.

- Бегом давай! – приказал барин.

Параскева выскочила из-за стола, пробежав мимо него.

- Приятного аппетита, - он закрыл дверь, приторно улыбаясь.

Параскева вошла в избу, где обедала многодетная семья, в которую определили недавно купленную девочку.

- Доброго дня, - поздоровалась она.

- И тебе не хворать, - ответил сидевший напротив двери тощий мужик. – С чем пришла?

- Барин Марфу к себе требует.

- После бани под коньяк? – спросила сидевшая рядом с мужиком такая же худая женщина, его жена.

Параскева кивнула, мужик устало опустил взгляд, схватившись ладонью за лоб.

- Чтоб его черти взяли, дитя же, - сказал он.

Все посмотрели на ничего не понимавшую Марфу, застывшую с куском хлеба у рта.

- Что удивляться то, - продолжила Параскева, - не впервой уже.

- А барыня чего? – спросила жена. – Опять уехала?

Параскева развела руками.

- Собирайся девонька, - сказала она Марфе, тяжело вздохнув, - хоть конфет шоколадных поешь.

Марфа поднялась из-за стола и всё ещё не понимая, что от неё надо барину, пошла за Параскевой. Обедавшая семья обречённо проводила её хмурыми взглядами, никому кусок не лез в горло.

Во время помывки в бане, Параскева подробно рассказала, что требуется от девочки, что и как будет происходить, какая её роль в этом, главное, чтобы барин остался доволен иначе, традиционно, запрет на конюшне.

- Я не хочу, - испуганным шёпотом произнесла Марфа, когда Параскева одевала её в нарядный сарафан в предбаннике.

- Твоего согласия никто не спрашивает, - грустно ответила Параскева, - ты вещь.

В спальне барина было темно и душно, тяжёлые шторы на окнах практически не пропускали свет с воздухом, в котором витал тяжёлый запах заморского одеколона.

Параскева ввела за руку всхлипывавшую Марфу. Барин сидел за небольшим столиком, уставленным закусками, вазой с пирожными, тарелкой конфет, парой бутылок коньяка.

- Какая ты комильфо, - обратился он к девочке, выпил рюмку коньяка закусив долькой лимончика. - Параскева пошла вон!

Женщина тут же выскочила за дверь, закрыв её.

- Что ж Марфуша, подойди к хозяину, уважь его, - произнёс барин, расстёгивая гюльфик.

Девочка сделала шаг к столу.

- Значит сиротка, - продолжил Климент Петрович. - Что с родителями случилось?

- От тифа умерли, - тихо ответила та.

Барин встал из-за стола спустив штаны до колен. От увиденного у Марфы затряслись колени, она громко закричала, бросившись из спальни. Резко открывшаяся дверь прилась ребром точно в центр лба Параскевы, подсматривавшей через замочную скважину.

- Ах, ты гадина! - завизжал обиженный до глубины души Климент Петрович.

Он схватил висевший на стене егерский штуцер (армейское ружьё), из которого периодически стрелял по пустым бутылкам, и французский пистоль, выигранный в карты. Пьяно шатаясь, сбивая мебель помчался вслед за беглянкой.

Марфа бежала к выходу из дома роняя слёзы на дорогие ковры, лежащие на паркетном полу, до двери оставалось метров пять, позади грохнул пистоль наполнив помещение пороховым дымом. Пуля разнесла на части стоявшую возле двери скульптуру охотничьей собаки. Девочка выскочила во двор, сломя голову бросилась за ворота, а там в сторону леса, находившегося в полуверсте от поместья.

- Седлайте коней сволочи! - визжал позади барин, заряжая пистоль.

До леса оставалось совсем немного, опять послышался выстрел из пистоля, пуля прошла в метре от девочки. Марфа обернулась, конная погоня во главе с пьяным барином приближалась,

Климент на скаку целился из штуцера. Марфа припустила изо всех сил, вот уже и опушка, спасительные заросли орешника.

Выстрел. Пуля, горячими клещами рвёт голень на левой ноге. Марфа, вскрикнув, падает на землю, покотившись вниз в поросшую хвощом яму. Внезапно всё стихло, не слышно ни погони, ни звуков леса. Она попыталась встать, но боль от хлещущей кровью раны, заставила её потерять сознание.

Марфа открыла глаза, над ней находился низкий бревенчатый потолок землянки, сама она лежала на койке, покрытой шкурами и сеном. Недалеко грубо сколоченный стол с горящей лучиной. В углу рогатина на медведя, метла и пара топоров в ведре с водой, вход закрывала плотная мешковина.

Марфа посмотрела на ногу, та была грамотно перебинтована серой тряпичей пропитавшейся кровью. Мешковина отошла в сторону, в землянку вошёл седой, длиннородый старец, одетый в обычную крестьянскую одежду с накинутым на плечи мышинного цвета балахоном с множеством дыр. Он внимательно посмотрел на Марфу.

- Очнулась, - сказал он, подходя к койке.

- Вы кто, дедушка? - спросила Марфа. - Где я?

- Я-то, Пафнутий. Ты у меня в гостях, - ответил старец.

- А где погоня?

- Какая погоня? - не понял дедушка.

- Барин за мной гнался с дворовыми. Это он ногу прострелил, - Марфа указала на бинт.

- Так вот в чём дело, - покачал тот головой, присаживаясь на койку. - Выстрел слышал, погони не видел.

Пафнутий потрогал раненную ногу, стал разматывать тряпицу.

- Не больно? - спросил он.

- Нет дедушка.

- Повязку сменить нужно.

Старец снял ткань, осмотрел ногу. Марфа уставилась на практически зажившую рану, она точно помнила, как пуля раздробила кость, разорвала мясо причинив невыносимую боль.

- Кость срослась, - спокойно произнёс дед, - мышцы тоже почти зажили, однако хромать будешь, такое без последствий не проходит.

- Так быстро? – удивилась Марфа. – Сколько недель я была без чувств?

- Ни сколько, - ответил дед, - днём тебя подобрал у землянки. Тут всё немного не так, как ты привыкла.

- Где тут?

- У меня в гостях. Почто погоня за тобой была девонька? – Пафнутий достал из кармана штанов свежую тряпицу, начав перебинтовывать ногу.

Потупив взор, Марфа рассказала о срамном желании барина и что из этого вышло и что она сирота, недавно купленная в поместье.

- Ко мне просто так не попадают, - вдруг сказал дед. – Видать смерть родителей тебя до этого довела. Горевала сильно, душу поранила, а барин взбаламутил то, что на дно осело, всю тьму поднял. Ищут тебя небось.

- Они всегда всех ищут, - кивнула Марфа. – Не отдавайте меня добрый дедушка.

Пафнутий закончил перевязку, встал, задумчиво вышел из землянки наружу, от куда, как показалось Марфе, донёлся звериный рык и не один, а множество, но возможно это был шум леса, качаемого ветром. Старец вернулся через пару минут со словами:

- Ладная ты девонька, способности у тебя есть, иначе бы к землянке не попала. Научу тебя как пост держать, как общаться и дело творить, как года удлинять, как оборону держать да нападать и многому другому. Мотай на ус и запоминай, однако и плата за это будет, зло за зло, добро за добро. Станешь ли ученицей?

Дед протянул к ней руку, раскрыл ладонь, на которой вспыхнуло красное пламя, из которого выскочил маленький чертёнок, ставший плясать вокруг огня.

- Не божье это, - испугалась Марфа.

- Можно подумать у барина божье, - нахмурился дед. – Да и где нам знать, что божье, что нет на самом деле. Сие есть сила, а она безлика и имеет разные формы. Если хочешь, чтоб баре тебя пользовали, уходи, завтра на ноги встанешь и свободна, иди стелись под них, будь рабой до смерти. Хочешь же сама их пользоваться, да плетью по мордасам стегать, оставайся, учись силе. Себе поможешь и другим пособишь.

Дед сжал руку, огонь с чертёнком пропали, будто и не было.

- Утром спрошу решение твоё. Отдыхай, - с этими словами он вышел из землянки, снаружи вновь послышался звериный рёв.

Всю ночь Марфа не сомкнула глаз, взвешивала все за и против на сколько это позволял детский разум. Неожиданно всплывшие воспоминания о том, что пришлось пережить ей и её покойным родителям в крепостной неволе, перевесило чашу весов в сторону познания таинственной силы. Злость на происходившее заставило сказать решительное «да», на утренний вопрос старца о согласии на обучение. Потянулись непонятно длинные дни в освоении теорий и практик, казалось, сутки состояли не из двадцати четырёх часов, а из сорока восьми. Так прошёл месяц.

В один из дней, рано утром, Пафнутий вывел её из леса к поместью.

- Ступай девонька, ублажи барина, - сказал тот на прощание, протянув ей три золотых монеты. - Увидимся на той стороне, - он отступил в лес, скрывшись в тени деревьев.

Марфа вернулась в дом к многодетной семье, приведя её в ступор.

- Ты где была? - удивлённо произнёс тощий мужик, к которому её когда-то приставили. - Тебя не было четыре года.

- Четыре? - не поняла Марфа. - Я всего месяц жила в лесу.

- У кого? - спросила жена мужика.

Марфа рассказала по старца Пафнутия, утаив сведения про обучение и заживление ран.

- Пафнутий? - задумался мужик. - Жил тут когда-то Пафнутий, когда я еще мальцом был, знахарь и колдун. Его пьяные гусары в лесу застрелили, там и закопали где-то. Потом они в трясине потонули с лошадьми. Других с таким именем не припомню.

- Зря ты вернулась, - сказала женщина, - барин узнает, запрет, но сперва оприходует с дружками, что у него второй день пируют.

- Мне бы пост подержать три дня, - тихо произнесла Марфа, положив в ладонь мужику золотую монету, - в сарае поживу. Стол понадобится, стулья, да снедь всякая, - она положила в ладонь второю монету. - Никому, ничего не говорите, - третья монета перекочевала в руку мужика.

- Хорошо Марфушенька, - закивал он, понимая куда та клонит. - Божье ли дело задумала?

- Никому не известно, что на самом деле есть божье, - ответила та.

Шёл шестой день гулянки со стрельбой, скачками и охотой, ловлей красивых селянок и избиением крепостных мужиков, не могущих оказать компании хозяина никакого сопротивления.

В ночь на седьмой, когда всё шампанское было допито, а коньяк и не думал заканчиваться в барский дом явилась прихрамывавшая на левую ногу, пропавшая четыре года назад Марфа, которой так и осталось десять лет от роду. Она, по какой-то непонятной причине, не повзрослела.

Климент Петрович не сразу узнал её, а когда понял кто это, приказал слугам схватить девочку и разложить на столе. На удивление она не сопротивлялась, а лишь зло улыбалась, глядя в глаза барину, что заставило его напрячься.

- Что лыбишься дурочка? - спросил он, вставая во главе очереди пьяных приятелей, снимавших портки в предвкушении оргии.

- Отпусти слуг, - вдруг произнесла девочка, - они тут лишние. Заприте двери и вы ощутите такое, чего никогда не видели, не слышали и не знали.

По-взрослому серьёзный тон Марфы заинтриговал собравшихся. Слуг выгнали, двери заперли, ожидая феерическое садомитское представление, но вместо него дом наполнился мертвецами, спешившими отблагодарить девочку за пищу.

Жуткие, предсмертные крики, потрясавшие усадьбу всю ночь, прекратились с первыми петухами. Дворовые слуги видели, как Марфа погрузила на хозяйского коня перемётные сумы, набитые деньгами и драгоценностями Климента Петровича. Вскочила в седло и пришпорив зверя ускакала в неизвестном направлении. Никто не помешал ей, никто не пустился в погоню, никто ничего не сказал вслед.

Слуги вошли в дом, ставший местом кровавой бойни, осмотрели комнаты, заваленные трупами с вывороченными кишками и с общего согласия подожгли его. Огонь скрыл произошедшее, а про Марфу старались больше не вспоминать.

2026.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>